

О земледелии

Прежде всего, если они хотели восстановить долину Тяньбэй, нужно было закупить глазурованную черепицу для повреждённой крыши с двойным карнизом. Киноварно-красные колонны главного зала успели выцвести, их тоже следовало заново покрыть лаком. К счастью, среди сгоревших тогда построек не было Шуйюньтая. Если привести его в порядок, им троим места вполне хватит.

Столы, шкафы, кровати, кушетки и даже ширмы в зале — всё это приходилось покупать заново. За несколько тысяч лет прежние вещи давно истлели; менять нужно было решительно всё.

Цзян Тан заложил руки за спину и обошёл Шуйюньтай кругом, точь-в-точь старый кадровик на проверке. В мире зеркальных цветов и луны в воде за Шуйюньтаем, на склоне горы, росла огромная роща цветущих деревьев: розовато-белые цветы опадали на ветру, красота была неописуемая, а в воздухе постоянно стоял сладкий цветочный аромат.

Но после нескольких тысяч лет вечной ночи те деревья давно истлели и рассыпались в прах. Теперь, с пробуждением долины Тяньбэй, на их месте по всей горе снова пробилась упрямая жизненная сила.

Только выглядела эта жизненная сила уж слишком беспорядочно. Её явно требовалось привести в порядок.

У китайцев земледелие в крови — и у Цзян Тана эта древняя ДНК внезапно дала о себе знать.

Когда Цзян Тан увидел за Шуйюньтаем бескрайние заросли диких цветов и трав, он принял ещё одно решение.

— Давайте распашем тут землю и что-нибудь посадим! — воодушевлённо предложил он.

Цзян Тан жадно уставился на заброшенную гору с плодородной почвой. Первым делом ему захотелось расчистить её и что-нибудь там посеять.

Цветы, опадающие на ветру, — это, конечно, романтично, но Цзян Тан был человеком не настолько романтичным. Напротив, он был крайне практичным.

Можно сажать овощи, фруктовые деревья, цветы — да всё что угодно.

А если хозяйство пойдёт хорошо, глядишь, на горе ещё и кур пустят на свободный выгул. Деревенские куры такие вкусные, и яйца у них тоже отличные.

А ещё было изумрудное озеро вокруг дворца. Потом можно будет заодно купить лотосовых семян, пригодных для посадки, и засадить ими озеро так, чтобы аромат лотосов тянулся на десять ли. Потом выпустить туда кучу мальков, купить лодочку, а когда наступит середина лета, они с Фу Линцзюнем смогут вместе лежать среди лотосов и смотреть на звёзды. А если он проголодается, выловит пару рыб, и босс поможет ему их пожарить.

Цзян Тан так размечтался, что у него предательски потекла слюна.

Босс, который ни разу в жизни ничего не выращивал, мнения не высказал.

Сян Син, который тоже ни разу в жизни ничего не выращивал, но для которого слова Сяо Бая были законом, очень энергично кивнул:

— Хорошо!

Потом он с некоторым запозданием спросил:

— Что... посадим?

Этот вопрос действительно поставил Цзян Тана в тупик.

Он подумал и выбрал из своих любимых духовных плодов самый любимый:

— Посадим плоды цинлин!

Сян Син тоже очень старательно пытался вспомнить, как выглядят деревья цинлин.

Деревья цинлин любят сухой климат и обычно в большем количестве растут на Южном Огненном материке. Верные закону, по которому тропические фрукты чаще всего легко оказываются кислыми, плоды цинлин ожиданий не обманывали: они были мелкими и кислыми, зато отлично пробуждали аппетит.

— Не вырастут, — сказал Сян Син.

Он хоть и выглядел немного глуповатым, но всё же знал, что Гуанлин находится на Северном Водном материке.

— Всё равно. Сажаем цинлин! — Цзян Тан сжал кулак.

— Не вырастут, — обиженно повторил Сян Син.

Цзян Тан прищурился:

— Сажаем цинлин!

Сян Син растерялся и двумя пустоватыми глазами посмотрел на своего хозяина, прося помощи.

Фу Линцзюнь прекрасно понимал, что цинлин, выращенные в Гуанлине, скорее всего, есть будет нельзя, но всё равно с невозмутимым лицом встал на сторону Цзян Тана:

— Сажаем цинлин.

Сян Син: «...»

Всё. В этом доме он больше ни секунды не выдержит.

Закупки

Главный злодей вместе со своими приспешниками отправился за покупками.

То ли они решили: раз уж репутация пропала, скрываться поздно, то ли действовали из настроя «мне нравится, как вы меня терпеть не можете, но ничего сделать не можете», но на этот раз, выйдя втроём на улицу, никто из них не стал маскироваться.

Ни Сян Син, этот двухметровый с лишним человекоподобный танк, ни Цзян Тан с его странными лунно-белыми волосами и глазами.

Когда они проходили через города смертных, босс ещё с большим раздражением скрывал их троих от чужих глаз, но стоило им попасть в духовную область, он уже почти демонстративно позволил всем узнать, что он, Фу Линцзюнь, вышел прошвырнуться по улицам.

Цзян Тан проспал десять лет и, возможно, не слишком понимал, как сейчас все относятся к Фу Линцзюню и Сян Сину.

А мир бессмертных теперь относился к Фу Линцзюню в основном четырьмя способами.

Во-первых, те совершенствующиеся, кто получил от Фу Линцзюня милость и ясно чувствовал,

что он отличается от слухов, по-прежнему очень уважали его и в небольших кругах распространяли это уважение дальше.

Во-вторых, главы бессмертных семей, старейшины сект и прочие, чей огонь жизни находился в руках Фу Линцзюня, держались крайне двусмысленно. С одной стороны, они прекрасно знали, что сами несправедливо обвинили Фу Линцзюня; с другой — признать собственную ошибку значило превратиться в посмешище. К тому же сам факт, что твой огонь жизни зажат в чужой руке, был довольно позорным. Они не хотели об этом упоминать и тем более не желали приближаться к Фу Линцзюню. Пока Фу Линцзюнь не пользовался их огнём жизни, чтобы заставлять их что-то делать, они обычно притворялись, будто его не видят.

В-третьих, фанатики силы почитали Фу Линцзюня, сильнейшего из сильнейших, почти как божество и безумно жаждали получить от него хоть крошечное наставление. Великая формация, которой Фу Линцзюнь когда-то запер людей в области Цянькунь, сохранилась лишь частично, но заинтересованные люди всё равно собрали её фрагменты, перерисовали и тайно продали на аукционах за огромные деньги. А те мастера талисманов, у кого не было денег, но кому всё равно хотелось «паломничества», даже часто ходили отмечаться у транспортной формации области Цянькунь, которую Фу Линцзюнь дополнил, чтобы собственными глазами посмотреть на начертанные боссом руны.

Последняя часть зевак наслушалась о Фу Линцзюне самых разных, нелепых и разномастных слухов. Они одновременно боялись его и испытывали к нему любопытство, поэтому держались в стороне и наблюдали.

Но к какой бы группе они ни относились, победить Фу Линцзюня всё равно никто не мог. Поэтому, стоило оказаться с ним лицом к лицу, все вели себя почти одинаково.

Так в Бафаюе возникла до странности гармоничная картина.

Цзян Тан с огромным интересом ходил по рынку, Фу Линцзюнь с холодным лицом платил, а сзади человекоподобный гигантский танк был готов в любой момент подхватить покупки. Бафаюй был крупнейшей духовной областью Северного Водного материка, длинные улицы кишели людьми, но для их троицы всё равно будто специально освобождалось место. Куда они двигались, туда люди расступались.

Цзян Тан был этим вполне доволен.

Всё-таки личный VIP-проход без очередей — это правда особенно приятно.

— Э-э... за это... за это я денег не возьму, считайте подарком для вас... — очередной торговец, увидев за спиной Цзян Тана Фу Линцзюня с ледяным лицом и Сян Сина с видом лютого злодея, поспешно передал ему всё, что тот хотел купить.

Но Цзян Тан, любивший мелкую выгоду, вовсе не желал принимать такую «милость» и

привычно выдал торговцу деньги босса.

— Сдачу, — очень терпеливо сказал он и стал ждать, пока торговец придёт в себя и вернёт ему всё до последнего духовного камня.

Истину «возьмёшь чужое — станешь должен» он понимал с детства. Денег посторонним он точно не собирался быть должен.

Что же до денег Фу Линцзюня, Цзян Тан уже мысленно отнёс их к своим. Босс тратил деньги слишком размашисто: сколько бы их ни было, однажды всё равно спустит. Значит, финансовую власть в доме должен взять в руки он!

Когда торговец, дрожа, вернул сдачу, Цзян Тан одну за другой пересчитал духовные камни. После этого Сян Син подошёл, забрал их покупки, рассортировал и сложил в жемчужину-нахай.

— Глазурованная черепица, сырой лак, кровать, столы и стулья, ширма, кушетка, полог, семена... — Цзян Тан загибал пальцы, подсчитывая свои славные сегодняшние достижения, и наконец взмахнул рукой, официально объявив: — Всё, возвращаемся домой!

Как втроем пришли, так втроем и ушли. Окружившие их совершенствующиеся собственными глазами смотрели им вслед, а вестовые духовные птицы уже разлетались во все стороны.

Только когда они ушли далеко, люди наконец начали шумно хватать ртом воздух, будто стоило Фу Линцзюню войти в Бафаюй, как он забрал весь воздух в духовной области.

— Я слышал, что Фу Линцзюнь вернулся в Гуанлин, но правда не думал, что он вот так, совершенно открыто, явится в Бафаюй...

Человек рядом не удержался от смеха:

— Ты сам себя слышишь? Почему он не может сюда явиться?

Кто-то сказал:

— Я думал, что когда-нибудь увижу живого святого Фу, но не думал, что он ещё и платить будет.

Кто-то поддакнул:

— ...Я тоже не думал.

— А? — Когда разговор становился всё нелепее, в толпе раздался другой голос. — Почему вы так считаете? Он же великий демон, а не разбойник.

Кто-то фыркнул:

— Ага, разбойники только грабят, а он ещё и убивает. Суть, конечно, совсем другая.

Как раз в этот момент мимо проходил один из учеников рода Шу из Юаньцаня. Юаньцань был спасён Фу Линцзюнем, и род Шу меньше всего терпел, когда кто-то чернил святого Фу:

— Кого он убил? Семья Сун из Цзэяна получила по заслугам, Цзян Чанъюань тем более получил по заслугам. Почему у вас к нему столько предубеждений?

— Предубеждений? Совсем недавно над Гуанлином собралось бесчисленное множество мстительных духов, и даже издали был слышен призрачный вой. Кто знает, не затевает ли он снова что-то дурное? Святой владыка мёртв, а он теперь сильнейший даосский совершенствующийся во всём Люхэ. Кто сможет его победить? Разве это не значит, что он может делать всё, что захочет?

Услышав это, ученик рода Шу не удержался от насмешки:

— По-моему, вы сами себя пугаете. Ладно бы ещё кто-то другой, но тогда в области Цянькунь были заперты важные люди, которые прибыли на пир Десяти сторон и Собрание небесных талантов. Их огонь жизни тоже был в руках святого Фу, и что-то я не видел, чтобы с ними что-нибудь случилось.

У него на лице разве что не было написано: «Тебя-то ему с чего трогать?»

Род Шу из Юаньцаня был довольно известной бессмертной семьёй в пределах Люхэ, его положение было куда выше, чем у обычных вольных совершенствующихся и людей из мелких домов. Кто-то в толпе узнал на нём повседневную одежду рода Шу и не решился спорить с ним, так что все поспешно нашли новую тему для обсуждения.

— Вы знаете? Слышал, тот юноша рядом со святым Фу — не человек!

— А если не человек, то кто? Призрак?

Того человека перебили так резко, что он на миг запнулся, а потом терпеливо сказал:

— Я слышал, он вроде как демон-дух, принявший человеческий облик. Иначе почему у него волосы и глаза такого цвета...

— Если мало видел, может, лучше помолчишь? У рода Лю с Западного Металлического материка из-за силы крови у прямых потомков глаза золотые. Почему же ты не говоришь, что они не люди?

— Я тоже знаю один пример, — добавил кто-то ещё. — В Цзэшу, откуда вышел даосский святой Чжуан Цин, в крови прямых потомков есть сила демонической лозы, и глаза у них становятся зелёными.

Ученик рода Шу, видя, что люди больше не обсуждают дурные слухи о святом Фу, молча взял купленные вещи и растворился в людском потоке.

Вокруг святого Фу и людей рядом с ним самые разные слухи никогда не утихали.

А тем временем та самая троица из слухов как раз шла по дороге навстречу закату.

Раз уж им редко выпадала возможность выйти, они даже не стали пользоваться духовной силой, чтобы сократить путь, а по-настоящему долго шли пешком. Шли и оживлённо болтали.

Заикание Цзян Тана почти прошло ещё в мире зеркальных цветов и луны в воде, а теперь его речь стала ещё свободнее. Что бы он ни увидел, обо всём хотел сказать Фу Линцзюню.

— Этот листик... он в форме сердечка! Сердечко! Вы знаете, что такое сердечко? — Он сложил руки у груди, показывая двум людям позади сердце.

Оба не шелохнулись.

Цзян Тан моргнул, потом поднял обе руки над головой и сложил большое сердце:

— А так?

Сян Син посмотрел на Цзян Тана так, будто смотрел на дурачка.

Фу Линцзюнь видел этот жест в другой памяти Цзян Тана, но нарочно спросил:

— Что это значит?

— Нравишься! — Цзян Тан ничуть не смутился и с улыбкой посмотрел на Фу Линцзюня. — Это значит, что очень нравишься!

Закат был тёплым. Свет лёг на фарфорово-белое лицо юноши и сделал его черты ещё мягче.

Всего лишь самая обычная дорога, но когда рядом есть тот, кто идёт вместе с тобой, в сердце невольно рождается радость.

Сян Сина никто не любил.

Поэтому Сян Син решил разрушить эту сахарную атмосферу, от которой одиноким псам хотелось быть.

Он глухо сказал:

— Хозяин. Сзади люди. Идут за нами. Давно.

Е Чжэньвэнь и Хуай Чэнъинь, которые прятались в половине ли позади и думали, что спрятались очень надёжно: «...»

Как маленькие хвостики они, разумеется, были совершенно никудышными, поэтому просто перестали прятаться и открыто догнали остальных.

— Я слышал... молодой господин Цзян купил много материалов для ремонта дворца, — Е Чжэньвэнь почесал затылок. — Мы подумали, может... может быть, вы хотите восстановить Гуанлин... Я знаю, вы не любите, когда вас беспокоят, но... но разве когда людей больше, силы не становятся тоже больше?..

Хуай Чэнъинь несколько раз энергично кивнул:

— Мы можем помочь!

Говоря это, он краем глаза украдкой косился на Сян Сина, деревянным истуканом торчавшего рядом.

<http://bllate.org/book/17032/1724075>